

Публикуется с разрешения автора

Ранняя публикация здесь: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37250.php>.

Внимание к религиозно-философскому и художественному наследию Вл.Соловьева сохранялось у Г.И.Чулкова на протяжении всей жизни. Однако ни в его воспоминаниях "Годы странствий", создававшихся в советскую эпоху, ни в его "Воспоминаниях", писавшихся в 1917 г., мы не обнаружим ни точной даты знакомства с философией или поэзией автора "Чтений о Богочеловечестве", ни рассказа о впечатлениях, произведенных чтением книг философа. Это выглядит несколько странным, тем более, что, вспоминая о "соловьевстве" Блока, он выражает сомнение в том, было ли прочитано поэтом-символистом до конца "Оправдание добра", что ясно говорит о том, что самому Чулкову наверняка был дорог этот основополагающий труд философа. По всей видимости, знакомство с творчеством Соловьева-критика и философа произошло у Чулкова еще в гимназии. Не последнюю роль здесь сыграло, возможно, то, что он имел к Вл. Соловьеву, как сам выразился, "косвенное касание": брат философа Михаил Сергеевич Соловьев преподавал в шестой московской классической гимназии, где учился Чулков. Скорее всего, активный интерес к наследию философа возник после чтения статьи "Особое чествование Пушкина" и его пародий на брюсовские сборники "Русские символисты". По крайней мере, именно на эти произведения как важнейшие для его духовного и творческого формирования он упоминает в мемуарах "Годы странствий", где он также выражает глубокое сожаление, что ему не удалось познакомиться с Соловьевым лично по причине юных лет до своей ссылки в Сибирь (она произошла в 1902 г.), а по возвращении он уже не застал ученого в живых. Однако когда в своих неоконченных, касающихся исключительно детских лет "Воспоминаниях" Чулков останавливается на откровении своего внутреннего опыта в постижении "личного абсолютного существа", чью "непрестанную близость" он ощущал постоянно, на "чувстве личности Христа", которое родилось в нем довольно рано и которое он пытался опровергать доводами разума, но ни словом не обмолвился о том, сыграла ли какую бы то ни было роль в этой борьбе философия Соловьева.

Думая о особенностях русского национального духа, он выделяет "своеобразных" русских мыслителей - Федорова и Соловьева. Метафорикой последнего он часто пользуется. Например, когда хочет намекнуть на "обманы" истории: "Зарю вечернюю мы иногда принимаем за утреннюю". Именно соловьевский "ключ" способен вскрыть нелicenseприятный для эпохи подтекст его сборника советского периода "Вечерние зори" (1924), в котором приведены свидетельства этих "обманов". Однако он постоянно подчеркивает, что тема "софианства" в душе его возникла "бессознательно", т.е. "без участия" В. Соловьева.

Думается, такая "забывчивость" связана с особенностями личности Чулкова, который всегда стремился доказать самостоятельность своего мышления, независимость от авторитетов. Но даже при этом он не мог не признать, что уже в его ранних стихах присутствовала "соловьевская тема, с ее ослепительным светом и с ее мучительными противоречиями", хотя "геометризм" соловьевской поэтики ему всегда оставался чужд. Действительно, в первой книге Чулкова "Кремнистый путь" такие стихотворения, как "О, медиума странный взор ...", "Я молюсь тебе, как солнцу, как сиянью дня", а также стихотворное переложение "Песни песней" могут быть истолкованы в соловьевском духе. Однако соловьевских нот в ней не расслышала сестра философа, Поликсена Соловьева, отозвавшаяся на сборник едва ли не единственной положительной рецензией. Кажется, она даже специально подчеркнула, что в ней нет "звона великого колокола, зовущего к единению" (имеется в виду идея Всеединства), а многие стихи окрестила "банальной декадентщиной". Но, думается, что все же некая близость к идеям В.Соловьева заставила ее обратить на этот сборник внимание.

Соловьевское настроение, несомненно, владело Чулковым во время написания этих стихов. Стимулировали же интерес к наследию философа разговоры о нем, которые велись им в Нижнем Новгороде, где он оказался в 1903-4 гг. после сибирской ссылки и где познакомился с Анной Шмидт, печатавшей театральные рецензии в той самой газете "Нижегородский листок", которая приютила на первых порах и Чулкова. Как отмечал он в мемуарах, поклонница Соловьева "тотчас почувствовала во мне "своего человека". Значимость Соловьева для мирознания Чулкова в это время прочитывается и в том, что он знакомых символистов пропускал через "соловьевскую призму", т.е. свое отношение к ним измерял их степенью близости к философу. Так, явно не симпатизируя Мережковскому, он признавал,